

ЛИЛИЯ ТИМОЛАЕВА

ПРЕДАННАЯ
ЖЕНА
ДРАКОНА

Я БОЛЬШЕ НЕ УМРУ РАДИ ТЕБЯ

Лилия Тимолаева

Преданная жена дракона.

Я больше не умру ради тебя

<https://litres.ru/74489432>

Аннотация

В день моей казни муж мог спасти меня одним признанием. Но Дорен снова попросил подождать — ради матери, брата и власти своего дома. Я умерла, так и не услышав, что он выбрал меня. А потом очнулась за год до приговора — в ночь, когда он впервые попросил поставить мою печать под ложным приказом. В прошлой жизни я отдала ему имя, наследство и свободу. В этой не отдам ничего, даже если ради этого придётся разрушить наш брак. Но мой отказ вскрывает заговор, ведущий к семье Дорена и способный уничтожить защиту столицы. А муж, которого я помню предателем, начинает совершать выборы, которых от него уже не ждала. Сможет ли любовь выжить там, где доверие однажды привело к эшафоту?

Содержание

Глава 1. Ты позволил мне умереть	4
Глава 2. На этот раз спасайся сам	25
Глава 3. Жена, которой больше нет	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Глава 1. Ты позволил мне умереть

До удара большого колокола оставалось меньше минуты, а я всё ещё ждала, что муж остановит казнь.

С каменной площадки эшафота открывалась вся площадь Совета. Люди заполнили её от ступеней дворца до медных ворот, за которыми начиналась верхняя часть столицы. В первых рядах стояли знатные семьи, судейские писцы и представители девяти старших домов. За ними теснились ремесленники, торговцы, слуги и те, кто пришёл посмотреть на смерть предательницы.

На мою смерть.

Гул голосов поднимался к серому небу, ударялся о стены дворца и возвращался многократным эхом. Временами из толпы доносились отдельные выкрики, но я уже не различала слов. Камень под босыми ступнями хранил утренний холод. Он пробирался сквозь тело, поднимался по ногам и заставлял дрожать колени, хотя я упрямо держала спину прямо.

Мне не хотелось, чтобы Дорен увидел мой страх.

На мне оставили простое белое платье без знаков дома Ровенов. С воротника сняли серебряную застёжку, с рукавов спороли тёмно-синюю вышивку, а волосы связали грубой лентой. Совет лишил меня имени ещё до того, как вынес приговор. На площади я была уже не Эстеллой Ровен и не

законной женой лорда Валькрофта.

Я стала женщиной, которую следовало убрать до полудня.

Стражники стояли по обе стороны от меня. Их тёмные плащи едва шевелились под ветром, а металлические накладки на плечах отражали бледный свет. Один из мужчин держал ладонь на рукояти меча, словно связанная женщина могла броситься на членов Совета. Второй следил за толпой и время от времени поглядывал на башню с колоколом.

Я смотрела только на Дорена.

Он находился у подножия широких дворцовых ступеней среди представителей своего рода. Даже издали я различала знакомую линию плеч, тёмные волосы и серебряную пряжку на плаще, которую когда-то выбрала для него сама. Под тканью проступали края церемониального доспеха. Дорен явился на мою казнь в одежде главы дома Валькрофт, словно присутствовал на заседании или принимал присягу новых защитников.

Только его лицо нарушало эту безупречную торжественность.

За последнюю ночь он словно постарел на несколько лет. Под глазами залегли тени, на щеке виднелась небрежно оставленная полоска щетины, а губы потеряли цвет. Он смотрел на меня, не отрываясь, и каждый раз, когда наши взгляды встречались, в его глазах вспыхивало то, что я слишком долго принимала за надежду.

Я знала этот взгляд.

Так Дорен смотрел на меня в ту ночь, когда впервые попросил спасти его.

Тогда он стоял передо мной в нашей спальне, ещё пахнувший дымом Столичных врат. На скуле темнела царапина, волосы растрепались после полёта, а в руке он держал документ, способный переложить на меня ответственность за оставленный пост.

— Я верну тебе всё, — говорил он, опустившись перед моим креслом. — Место в Совете, имущество, голос Ровенов. Клянусь нашим браком, Эстелла, это продлится недолго.

Я поверила.

Разве могла я поступить иначе, когда человеку, которого любила, грозили лишение титула и приговор за гибель людей у восточной стены? Дорен покинул Столичные врата, получив сообщение, что его младший брат оказался в окружении. Он выбрал Леандра и оставил пост. Пока главный защитник отсутствовал, часть стены рухнула.

Дорен уверял, что сообщение оказалось поддельным. Он просил дать Совету время разобраться. Однако следствие требовало виновного немедленно, и я поставила родовую печать под приказом, которого никогда не отдавала.

После этого виновной стала я.

Меня лишили места среди девяти старших домов. Право управлять наследством Ровенов временно передали мужу. На заседаниях Совета моё имя произносили с презрением,

а матери погибших на стене отворачивались, когда я проходила мимо.

Дорен обещал исправить случившееся.

Сначала после завершения проверки.

Затем после осеннего заседания.

После укрепления врат.

После того, как улягутся волнения в столице.

Каждый раз он обнимал меня и говорил, что осталось потерпеть ещё немного. Я прижималась щекой к его груди, слышала ровный стук драконьего сердца и верила, что любовь способна вернуть всё, что я добровольно отдала.

Теперь я стояла на эшафоте, а дом Ровенов принадлежал мужу.

У нижней ступени появился председатель Совета. Его церемониальная мантия была расшита девятью золотыми знаками, каждый из которых обозначал старший дом столицы. Знак Ровенов находился на левом рукаве, ниже остальных, словно даже вышивка знала, какое место отвели моему имени.

Председатель поднял руку.

Голоса на площади стихли не сразу. Шум распадался на отдельные шепоты, покашливания и скрип обуви по камню. Потом стало слышно, как над крышами хлопают полотнища знамён.

— Эстелла из угасшего дома Ровенов, — провозгласил он, — решением Высшего совета вы признаны виновной в изме-

не столице, повреждении защитных врат и попытке передать управление ими врагам короны.

Из угасшего дома.

Я едва удержалась от горькой улыбки. Дом Ровенов не угас. У него оставалась я. Совет просто заранее решил, что после моей смерти право голоса перейдёт супругу.

К Дорену.

Председатель продолжал перечислять обвинения, а я смотрела на мужа. Он обязан был подняться на эшафот ещё до чтения приговора. Обязан был потребовать нового разбирательства, назвать имена тех, кто получил доступ к моей печати, рассказать о поддельных распоряжениях.

Он знал, что я не разрушала врата.

В ночь моего ареста Дорен пришёл в камеру один. Стража оставила нас по разные стороны решётки, и муж долго стоял, прижав ладонь к холодному металлу.

— Я найду доказательства, — сказал он тогда. — Мне нужно несколько дней.

— У меня нет нескольких дней.

— Я не позволю им причинить тебе вред.

— Тогда скажи Совету, что печать хранилась в доме твоей матери.

Его пальцы дрогнули на решётке.

— Эдит могла не знать.

— А Леандр?

Дорен отвёл взгляд.

Этого движения оказалось достаточно. Я поняла, куда привели найденные им следы.

К его матери и младшему брату.

— Ты видел доказательства, — прошептала я.

— Я видел документы, которые можно истолковать по-разному.

— Печать украли из кабинета Эдит. Свидетель назвал Леандра. Как ещё это можно истолковать?

— Дай мне разобраться.

Я рассмеялась, хотя в груди всё сжалось.

— Сколько мне ждать на этот раз?

Дорен подошёл ближе к решётке. В его лице появилась та сосредоточенная суровость, с которой он отдавал распоряжения у Столичных врат.

— Если я выступлю против них без неопровержимых доказательств, дом Валькрофт лишат командования. Столица останется без защиты. Мне нужно действовать осторожно.

— Меня казнят через четыре дня.

— Этого не произойдёт.

Он произнёс слова уверенно. Тогда мне захотелось поверить ему в последний раз.

Я протянула руку сквозь решётку, и Дорен накрыл мои пальцы своей ладонью. Его кожа была горячей, знакомой. Я вспомнила, как этими руками он расплетал мои волосы, застёгивал украшение на шее, придерживал за талию во время первого полёта. Они никогда не причиняли мне боли.

Дорен поцеловал мои пальцы.

— Я вернусь за тобой, Эстелла.

Он действительно вернулся.

На мою казнь.

Председатель закончил чтение обвинений и повернулся к представителям Совета. Его помощник развернул свиток с красной печатью, а палач занял место возле деревянной рамы в центре площадки.

Я не смотрела туда.

На краю толпы заплакала женщина. Кто-то грубо приказал ей замолчать. Ветер принёс запах горячего воска от дворцовых светильников и влажного камня от фонтана. Мир продолжал жить с оскорбительной ясностью, словно через несколько минут на площади ничего не изменится.

Дорен сделал шаг вперёд.

Моё сердце ударилось о рёбра.

Он вышел из ряда представителей Валькрофтов, миновал мать и поднялся на первую ступень. Эдит повернула голову вслед за сыном. На её лице не появилось тревоги. Она была одета в чёрно-серебряное платье главы рода, волосы убраны под тонкую сетку, а на груди сиял знак драконьего дома.

Рядом с ней стоял Леандр.

Младший брат Дорена избегал смотреть на эшафот. Он поправлял застёжку перчатки и рассматривал камни под ногами, словно присутствовал здесь против воли. В прежние годы Леандр называл меня сестрой. Приходил к нашему сто-

лу без приглашения, смеялся громче остальных, просил моего заступничества перед Дореном.

Теперь он знал, кому принадлежала печать на поддельных распоряжениях.

И молчал.

— Лорд Валькрофт просит слова, — объявил один из судей.

По площади пронёсся шёпот. Люди вытягивали шеи, стараясь рассмотреть мужа осуждённой женщины. Кто-то произнёс моё имя. Другой голос потребовал исполнить приговор без задержек.

Дорен поднялся ещё на одну ступень.

— Совет получил моё прошение сегодня на рассвете, — сказал он.

Его голос разошёлся по площади благодаря усилению под дворцовыми плитами. Я слышала каждую ноту: усталость, сдерживаемую ярость, напряжение. Этот голос мог остановить сотни вооружённых людей. Он не раз удерживал защитников на стенах, когда над городом раскрывались вражеские крылья.

Сегодня ему требовалось произнести всего несколько слов.

Моя жена невиновна.

— В вашем прошении содержится просьба перенести исполнение приговора, — ответил председатель. — Основания для пересмотра дела там не указаны.

— Новые обстоятельства требуют проверки.

— Назовите их.

Дорен задержал дыхание. Даже с эшафота я заметила, как напряглась его челюсть.

— Один из свидетелей мог дать ложные показания.

— Мог?

— Его слова расходятся с записями стражи.

— Вы представили эти записи?

— Мне не позволили завершить проверку.

Председатель собрал края мантии и спустился на одну ступень, приблизившись к Дорену.

— Суд длился двенадцать дней. Вам предоставили доступ ко всем свидетельствам. Вы выступали дважды и оба раза просили дополнительное время.

— Потому что речь идёт о жизни моей жены.

Я закрыла глаза на мгновение.

Моей жены.

Дорен всё ещё называл меня так. Два простых слова оживили память о доме, который я делила с ним. О тёплом свете в окнах, поздних ужинах, его плаще на спинке кресла, книгах, оставленных на моей половине кровати. О вечерах, когда Дорен возвращался после службы и первым делом искал меня, даже не снимая перчаток.

Мне хотелось сохранить ту жизнь.

Хотелось поверить, что муж сейчас поднимется на площадку, разорвёт приговор и уведёт меня отсюда.

Любовь не исчезла, когда он не пришёл в камеру на второй день. Она не исчезла после суда, на котором он осторожно подбирал слова, стараясь не назвать членов своей семьи. Не исчезла даже утром, когда стража вывела меня на площадь.

Она только стала похожа на открытую рану, к которой каждый его взгляд прикасался безжалостно и бережно одновременно.

— Именно поэтому Совет должен получить ясный ответ, — произнёс председатель. — Вы утверждаете, что ваша жена невиновна?

Площадь замерла.

Вопрос прозвучал без украшений и обходных формулировок. Одно слово могло изменить всё. Если глава дома Валькрофт открыто заявит о моей невиновности, Совет будет обязан приостановить казнь и проверить действия людей, имевших доступ к моей печати.

Моё дыхание стало поверхностным.

Я смотрела на Дорена и ждала.

Он поднял глаза к эшафоту.

Между нами было не больше тридцати шагов. Я видела серебристый ободок вокруг его тёмных радужек — знак драконьей силы, проявлявшийся в минуты сильного волнения. Видела, как пальцы правой руки прижались к ладони, где проходил след нашей брачной клятвы. Этот знак отзывался теплом на моей коже даже сейчас.

Дорен любил меня.

В этом заключалась самая жестокая часть происходящего.

Если бы он разлюбил, нашёл другую женщину или желал моей смерти, мне было бы легче принять правду. Но муж стоял перед Советом с лицом человека, у которого отнимают самое дорогое, и всё равно не произносил нужных слов.

Его взгляд переместился к матери.

Эдит не сделала ни одного движения. Только подбородок поднялся немного выше.

Потом Дорен посмотрел на Леандра. Тот наконец оторвался от своей перчатки и встретил взгляд брата. На его лице промелькнула просьба, понятная без слов.

Не отдавай нас.

Я вспомнила разговор в тюремной камере.

«Если я выступлю против них, дом Валькрофт лишат командования».

Не меня спасали слишком поздно.

Спасали их.

Председатель ждал.

Толпа ждала.

Я ждала.

Дорен снова посмотрел на меня. Его губы приоткрылись.
— Мне необходимо ещё немного времени.

Слова достигли эшафота и легли между нами окончательным приговором.

Внутри меня не осталось ни крика, ни желания спорить. Исчезла даже надежда, которую я сохраняла вопреки суду,

цепям и белому платью осуждённой.

Я вдруг увидела наш брак целиком.

Каждый раз, когда Дорен обещал выбрать меня потом.

После заседания.

После проверки.

После укрепления стен.

После того, как успокоится Совет.

После того, как он поговорит с матерью.

После того, как разберётся с братом.

Для меня у него всегда оставалось будущее. У его семьи было настоящее.

— Ходатайство отклонено, — объявил председатель. — Совет уже предоставил вам время.

Дорен поднялся ещё на ступень.

Стражники возле меня напряглись.

— Вы не можете исполнить приговор, пока существуют сомнения.

— Сомнения существуют у вас, лорд Валькрофт. При этом вы отказываетесь утверждать, что осуждённая невиновна.

— Я не отказываюсь.

— Тогда произнесите это перед Советом.

Над площадью прокатился новый удар ветра. Край моего платья прижался к ногам. С башни донёсся скрип механизма, готовившего большой колокол.

Дорен молчал.

Эдит смотрела на сына.

Леандр опустил голову.

И я наконец перестала ждать.

Председатель подал знак стражникам. Один из них взял меня за локоть и повёл к центру площадки. Его пальцы были осторожными, даже почтительными. Незнакомый человек проявил ко мне больше милосердия, чем тот, ради кого я разрушила свою жизнь.

— Эстелла! — голос Дорена прорезал шум площади.

Я остановилась.

Стражник позволил мне повернуться.

Дорен уже стоял на верхней ступени. Судьи преградили ему дорогу, но он мог бы пройти мимо них. В человеческом облике он превосходил каждого силой, а в драконьем никто на площади не удержал бы его.

Он не двигался дальше.

В его глазах появилась паника.

— Я добьюсь пересмотра, — сказал он. — Слышишь меня? Я найду свидетеля. Я докажу, что печать использовал кто-то другой.

— Когда?

Мой голос прозвучал ровнее, чем я ожидала.

Дорен замер.

— Что?

— Когда ты это сделаешь?

Он открыл рот, но я уже знала ответ.

Позже.

— Я должен провести проверку, — произнёс он. — Есть сведения, которые нельзя оглашать на площади. Дай мне время до вечера.

По толпе прошёл ропот. Председатель велел продолжать исполнение приговора.

Дорен шагнул к нему.

— Хотя бы один час.

— Решение принято.

— Я глава защитников столицы.

— Сегодня вы присутствуете здесь как супруг осуждённой. Ваше звание не отменяет закон.

Серебро в глазах Дорена стало ярче. Под кожей на его висках проступили тёмные линии драконьей силы. Несколько стражников у ступеней подняли щиты.

Он мог разрушить половину площади.

Мог подняться ко мне.

Мог забрать меня и навсегда потерять место в Совете, родовый дом, командование, расположение короны.

Я видела, как эта возможность проходит через него. Видела по тому, как развернулись плечи, как замерла рука возле застёжки плаща, как судьи отступили на полшага.

Потом Эдит произнесла:

— Дорен.

Она не повысила голоса, однако он услышал.

Муж повернул голову.

— Подумай о городе, — сказала его мать. — Если ты сейчас нарушишь решение Совета, у Столичных врат не останется командующего.

Я ждала, что он ответит ей.

Что скажет: «Пусть».

Одно слово.

На этот раз Дорен даже не посмотрел на меня сразу. Его взгляд скользнул к дворцовым башням, к знамёнам защитников, к собравшимся судьям. Он видел всё, что потеряет.

Я стояла позади него и понимала, что в этот список снова не вхожу.

Когда он наконец повернулся, я уже не узнавала человека, которого любила.

Лицо осталось прежним. Те же тёмные брови, знакомая складка между ними, шрам над правой скулой. Передо мной стоял мой муж, с которым я делила постель и планы на будущее.

Только теперь я знала его цену.

— Эстелла, — произнёс он, и моё имя сорвалось с его губ хрипло. — Я прошу тебя...

— Нет.

Он осёкся.

Я высвободила локоть из руки стражника. Тот не стал удерживать меня. До края эшафота оставалось несколько шагов, и я прошла их сама.

Толпа передо мной расплывалась, зато лицо Дорена оста-

валось ясным.

— Когда тебе угрожал суд, ты попросил моё имя, — сказала я. — Я отдала его. Потом тебе понадобился голос моего дома, и я позволила тебе говорить от моего имени. Ты просил подождать, пока вернёшь мне свободу. Я ждала.

— Я всё исправлю.

— Сегодня?

Он побледнел.

Я кивнула, получив ответ.

— Когда тебе снова понадобится моя жизнь, спасайся сам.

На башне ударил колокол.

Первый тяжёлый звук прокатился над площадью, заглушив голоса и звон оружия. Камень под ногами дрогнул. Ветер рванул белую ткань у моих щиколоток, и на один краткий миг я увидела, как Дорен бросился вперёд.

Он всё-таки сделал шаг.

Только поздно.

Второй удар колокола не пришёл.

Вместо него раздался треск поленьев в камине.

Под ладонями оказался не шероховатый край эшафота, а гладкая ткань покрывала. Холод исчез. Воздух наполнился запахом горящего дерева, свежей бумаги и цветов, стоявших на подоконнике.

Я вдохнула так глубоко, что заболела грудь.

Надо мной был резной полог нашей супружеской кровати. По тёмному дереву тянулись серебряные ветви — работа ма-

стера, которого Дорен привёз из западных земель к первой годовщине свадьбы. На потолке отражалось пламя камина. За плотными шторами шумел дождь.

Я сидела в собственной спальне.

На мне было домашнее платье из синего шёлка. Волосы свободно лежали на плечах. На правой руке блестело супружеское кольцо, а под ним золотилась тонкая линия брачной клятвы.

Я коснулась шеи.

Кожа была цела.

Потом прижала пальцы к груди, чувствуя частые удары сердца.

На письменном столе лежали приглашения на осеннее заседание Совета. Верхний конверт был запечатан знаком дома Ровенов. Моим знаком. Рядом стояла серебряная шкатулка, где я хранила родовую печать до того дня, когда добровольно передала её мужу.

Я знала эту комнату.

Знала вечер.

Год назад дождь шёл до самого утра. Я ждала Дорена к ужину, но он вернулся после полуночи, перепачканный сажей и злой. Именно сегодня он покинул восточные врата ради сообщения о Леандре.

Именно сегодня началось разрушение моей жизни.

За дверью слышались тяжёлые шаги.

Моё тело отреагировало раньше разума. Сердце рвану-

лось к знакомому звуку, в памяти ожили сотни вечеров, когда я бросала книгу и шла встречать мужа. Я знала его походку среди десятков других: уверенную, широкую, с едва заметной задержкой после старого ранения левой ноги.

Шаги приблизились.

Я смотрела на дверь, не способная отвести глаз.

Дорен был жив.

Он ещё не стоял на площади среди судей. Не выбирал мать и брата. Не смотрел, как меня ведут к месту казни.

Сейчас он любил меня так, как умел. Уверенно, требовательно, не сомневаясь, что моя жизнь навсегда соединена с его собственной.

— Эстелла? — раздалось из коридора.

Голос оказался моложе, чем на площади. В нём слышались усталость и нетерпение, но не было того надлома, с которым он звал меня перед ударом колокола.

Я закрыла глаза.

Когда-то одного звука его голоса хватало, чтобы мне стало спокойнее. Теперь он вернул вкус страха.

Дверь распахнулась.

Дорен вошёл без церемоний, как всегда входил в нашу спальню. На нём была тёмная форма защитников, мокрый плащ он перебросил через руку. Волосы прилипли ко лбу, на щеке виднелся свежий след, а глаза сохраняли человеческий тёмно-серый цвет.

Живой.

Близкий.

Ещё мой.

Я впилась пальцами в покрывало, чтобы не броситься к нему по привычке.

Дорен остановился возле двери.

— Что случилось?

Я поняла, как выгляжу со стороны: бледная, растрёпанная, с рукой у горла. Он положил плащ на кресло и направился ко мне.

Каждый его шаг отзывался во мне двумя воспоминаниями. Вот он подходил к нашей постели после долгого дня, наклонялся и целовал меня в висок. И вот он стоял у дворцовых ступеней, прося ещё немного времени.

Дорен протянул руку.

Я отшатнулась к изголовью.

Он замер, не коснувшись меня.

На его лице появилось растерянное выражение, которого я прежде у него не видела.

— Эстелла?

Мне хотелось спросить, почему он позволил меня убить. Хотелось ударить его, потребовать ответа, заставить пережить хотя бы часть того, что пережила я.

Но для него ничего ещё не произошло.

Дорен не знал о камере, суде и белом платье. Не слышал моих последних слов. Передо мной стоял мужчина, который пришёл просить жену о первой жертве и был уверен, что она

согласится.

Он оглянулся на дверь, затем вернулся к моему лицу.

— У нас мало времени.

Я услышала в этих словах прежнее начало.

Дорен подошёл к письменному столу. Вынул из внутреннего кармана сложенный документ и расправил его рядом со шкатулкой, где лежала печать Ровенов. Его движения были быстрыми и точными. Так он всегда действовал в опасности, оставляя сомнения на потом.

На бумаге темнел знак Высшего совета.

Я уже видела этот лист.

Год назад прочитала его один раз, поверила объяснениям мужа и поставила печать в указанном месте. После этого Совет объявил, что распоряжение оставить Столичные врата исходило от меня.

Дорен опёрся ладонями о край стола.

— Меня вызвали на заседание. До рассвета Совет потребует объяснить, почему я покинул восточный пост.

Я молчала.

— Сообщение о Леандре оказалось ложным, — продолжил он. — Кто-то намеренно выманил меня от врат. Но пока это докажут, ответственность возложат на командующего.

Его взгляд переместился к серебряной шкатулке.

В первой жизни я сама открыла её.

Сама достала печать.

Сама отдала мужу всё, что позднее позволило его семье

погубить меня.

Дорен повернулся ко мне. В его лице ещё не было вины, только тревога человека, привыкшего считать меня своим надёжным убежищем.

Он положил ладонь на документ.

— Только твоя подпись может меня спасти.

Я посмотрела на мужа, которого любила больше собственной жизни, и впервые ясно увидела место, где началась моя смерть.

Глава 2. На этот раз спасайся сам

Дорен произнёс это с привычной уверенностью человека, который уже принял решение и теперь ждал, когда остальные помогут его исполнить. Его ладонь лежала на документе, пальцы прижимали край листа к столешнице, чтобы бумага не свернулась обратно.

Год назад я поднялась с кровати сразу после этих слов.

Даже не спросила, что произойдёт со мной, когда Совет увидит печать Ровенов под распоряжением, которого я не отдавала. Мне хватило его тревоги, усталого голоса и царапины на щеке. Я подумала, что несколько месяцев позора ничего не значат по сравнению с жизнью любимого мужчины.

Теперь я знала, сколько стоит такая любовь.

Я спустила ноги с кровати и подошла к письменному столу. Дорен немного отступил, освобождая мне место перед документом. В его лице мелькнуло облегчение: он решил, что я согласилась.

Серебряная шкатулка стояла справа от листа. На крышке был выгравирован знак Ровенов — раскрытая ветвь с девятью листьями. Отец передал мне эту печать в день совершеннолетия и предупредил, что ни супруг, ни Совет, ни корона не имеют права пользоваться ею без моего решения.

В первой жизни я нарушила его единственную просьбу в тот же вечер, когда Дорен попросил меня о помощи.

Я положила ладонь на крышку.

— Эстелла, нам нужно торопиться, — напомнил муж. — Посланник Совета ждёт внизу.

Я открыла шкатулку.

Внутри, на тёмном бархате, лежала серебряная печать. Рукоять сохранила тепло комнаты, а девять тонких листьев на основании казались острыми. Я помнила, как держала её год спустя, когда стража предъявила поддельные распоряжения. Тогда мой знак выглядел доказательством, против которого невозможно спорить.

Следователи спрашивали, кому я передавала печать.

Я назвала мужа.

После этих слов в зале суда стало ясно, что мне уже никто не поверит. Для Совета существовало только два объяснения: либо я сама приказала повредить Столичные врата, либо пыталась обвинить главу дома Валькрофт, чтобы избежать наказания.

Я вынула печать из шкатулки.

Дорен протянул руку к чернильнице, где хранился состав для официальных оттисков, но я закрыла крышку и повернула ключ.

Щелчок прозвучал негромко. Муж всё же услышал.

— Что ты делаешь?

Я убрала ключ в карман домашнего платья.

— Закрываю печать.

— Я вижу. Зачем?

Дорен выпрямился. Дождевая вода стекла с его волос на ворот формы, оставив тёмное пятно. В иной вечер я подошла бы к нему, сняла мокрый камзол и настояла, чтобы он согрелся у огня. Сейчас даже эта мысль причиняла боль. Моё тело помнило годы близости и откликалось на его присутствие быстрее, чем разум успевал остановить привычные желания.

Я заставила себя посмотреть на документ.

Внизу оставили место для моей подписи и печати. Три строки перед ним сообщали, что глава дома Ровенов приказала Дорену Валькрофту покинуть восточный пост и проверить сведения о нападении на его брата.

Ложь была составлена аккуратно.

Она превращала нарушение мужа в исполнение моего распоряжения и передавала мне всю ответственность за последствия. Если бы я поставила печать, Совет уже не стал бы выяснять, кто отправил ложного посланника. Виновная сама признала бы вину.

— Я не подпишу, — сказала я.

Дорен несколько мгновений смотрел на меня, ожидая продолжения. Потом уголок его рта дрогнул.

— Сейчас не время для шуток.

— Я не шучу.

— Ты не понимаешь, что происходит.

Он обошёл стол и остановился напротив. Между нами лежал документ, а за его спиной пламя камина отражалось в

мокрых застёжках формы.

— Тогда объясни, — предложила я. — Расскажи, что произойдёт, если я поставлю подпись.

— Совет признает, что я исполнял распоряжение главы старшего дома.

— И обвинит меня.

— Обвинение будет формальным. Я докажу, что сообщение о Леандре подделали, после чего с тебя снимут ответственность.

— Когда?

Вопрос заставил его нахмуриться.

— Как только выясню, кто отправил посланника.

— Сколько времени это займёт?

— Несколько дней. Возможно, две недели.

В первой жизни две недели превратились в месяцы, потом в год, а обещанное оправдание так и не наступило.

Дорен положил ладонь на стол и наклонился ко мне.

— Я не позволю Совету причинить тебе вред.

На площади он говорил то же самое.

Я видела его у дворцовых ступеней и слышала колокол, хотя за окнами спальни продолжал шуметь дождь. Перед глазами на мгновение возникло белое платье, лишённое знаков Ровенов. Я сжала край стола, возвращая себя в комнату.

— Ты просишь меня признаться в приказе, которого я не отдавала.

— Я прошу помочь мне выиграть время.

— Моим именем.

— Нашим именем, — поправил он. — Мы супруги.

Дорен коснулся своего кольца, словно брачная клятва давала ему право распоряжаться моей печатью. В первой жизни эти слова показались мне естественными. Я верила, что после свадьбы у нас действительно всё общее: дом, имя, власть, ответственность.

Только последствия почему-то всегда доставались мне одной.

— На документе будет стоять знак Ровенов, — ответила я. — Не Валькрофтов.

— Я выступлю перед Советом и подтверждаю, что решение приняли мы оба.

— Но распоряжение подпишу я.

Он отвёл ладонь от кольца.

— Эстелла, чего ты от меня хочешь?

— Чтобы ты отвечал за собственные решения.

В комнате повисла пауза. За дверью кто-то прошёл по коридору, затем внизу закрылась тяжёлая створка. Дом жил обычной ночной жизнью, пока в нашей спальне рушилось будущее, о котором Дорен ещё ничего не знал.

Муж расправил плечи.

— Я покинул пост, потому что получил знак Леандра. Его плащ нашли возле южной дороги, а посланник сказал, что на отряд напали. У меня не было времени проверять каждое слово.

— Ты оставил вместо себя заместителя?

— Капитан дежурной смены находился у главного прохода.

— Значит, ворота не остались без командования.

— Совет всё равно потребует объяснений. После повреждения восточной стены им нужен виновный.

Я вспомнила площадь, женщин, которые отворачивались от меня после гибели людей, и собственное имя в судебном свитке.

— Пусть выяснят, кто виноват.

— Пока они будут выяснять, меня могут лишить должности и заключить под стражу.

— Тогда ты дождёшься проверки под стражей.

На его лице появилось выражение, с которым он обычно встречал неповиновение подчинённых. Дорен привык, что одного его тона хватает, чтобы спор закончился. Со мной он редко пользовался властью напрямую, потому что прежде я угадывала его желания и соглашалась раньше, чем он успевал попросить.

— Ты предлагаешь мне спокойно отдать Совету командование Столичными воротами? — спросил он.

— Я предлагаю не перекладывать своё нарушение на меня.

— Это касается не только меня. Если главу Валькрофтов признают виновным в оставлении поста, весь дом потеряет место среди защитников. Моя мать лишится влияния, Ле-

андра отстранят от службы. Сотни людей, которые зависят от нашего имени, останутся без покровительства.

Передо мной снова выстроилась знакомая очередь.

Дом. Мать. Брат. Защитники. Столица.

Где-то после них находилась жена.

— Ты уже решил, кто должен заплатить за благополучие твоей семьи, — произнесла я.

— Я никого не заставляю платить.

Я кивнула на документ.

— Тогда что это?

Дорен взял лист и поднял его между нами.

— Способ не дать Совету разрушить всё, что мы строили.

Твоя подпись сохранит моё положение, а моё положение защитит дом Ровенов. Мы связаны, Эстелла. Если паду я, последствия затронут и тебя.

— А если подпишу?

— Я верну тебе все права, как только завершится расследование.

В его голосе появилась убеждённость, от которой год назад мне стало спокойнее. Дорен говорил так, словно обещание уже являлось совершившимся фактом.

— Место в Совете останется за тобой, — продолжил он.

— Я лично потребую, чтобы управление наследством Ровенов не передавали никому другому. Если понадобится, выступлю против председателя.

Он ещё не знал, что именно ему Совет отдаст моё имуще-

СТВО.

— Ты никогда не забудешь мою жертву? — спросила я.

— Разумеется.

Ответ последовал без задержки.

Я отвернулась к окну, за которым дождь чертил по стеклу длинные дорожки. В отражении виднелись наши фигуры: я в синем домашнем платье и Дорен в форме защитников. Со стороны мы всё ещё выглядели супругами, привыкшими доверять друг другу.

— Эстелла, посмотри на меня.

Мне не хотелось исполнять даже такую простую просьбу. Однако я повернулась.

Дорен обошёл стол. Он приблизился осторожнее, чем прежде, и остановился на расстоянии вытянутой руки.

— Я вижу, что ты испугана, — сказал он. — Сегодня произошло что-то ещё?

Я могла рассказать ему о площади.

О решётке между нами. О белом платье. О том, как он попросил дополнительное время, когда мне оставались считанные мгновения. О выборе, который ещё не совершил, но уже готовился повторить, перечисляя причины, почему его семья важнее моей безопасности.

Я представила, как он выслушает. Сначала не поверит, потом станет искать объяснение. Возможно, решит, что меня обманули или что пережитый страх исказил память.

Даже если Дорен поверит каждому слову, он всё равно

скажет, что сейчас поступил бы иначе.

Я тоже когда-то была в этом уверена.

— Я впервые поняла, о чём ты меня просишь, — ответила я.

— Раньше ты понимала меня без объяснений.

— Раньше я не задавала вопросов.

Боль, мелькнувшая в его глазах, оказалась настоящей. Я почувствовала её так же отчётливо, как собственную. Любовь к нему не исчезла после возвращения. Она жила во мне вместе с памятью о казни, и каждое причинённое ему страдание отзывалось внутри.

Дорен протянул руку, но остановил её возле моего лица.

— Мы поклялись поддерживать друг друга.

— Поддерживать. Не принимать вину друг за друга.

— Я сделал бы то же самое ради тебя.

На площади он не сделал.

Я удержала эти слова. Для него ещё существовало будущее, в котором он считал себя человеком, способным выбрать жену. Спорить с его уверенностью сейчас было бессмысленно.

— Тебе не придётся ничего делать ради меня, — сказала я. — Я больше не отдам тебе такую возможность.

В дверь постучали.

Дорен отступил и повернулся к коридору.

— Войдите.

На пороге появился мужчина в сером плаще Совета. Дож-

девая вода потемнила нижний край ткани, на груди блестела круглая медная застёжка. Посланник поклонился сначала Дорену, затем мне.

— Лорд Валькрофт, председатель требует вашего присутствия. Заседание начнётся через половину часа.

— Я прибуду.

Посланник задержался.

— Мне приказано сопровождать вас.

Дорен помрачнел.

— Совет опасается, что я покину столицу?

— Мне не сообщали причины распоряжения.

— Разумеется.

Муж бросил взгляд на документ, лежавший возле закрытой шкатулки.

— Подождите внизу.

Посланник снова поклонился и вышел. Дверь закрылась, оставив нас в прежней тишине.

Дорен взял документ.

— У нас осталось несколько минут.

— Моё решение не изменится.

— Совет может вынести приговор до рассвета.

— Тогда тебе стоит потратить оставшееся время на подготовку защиты.

Он сложил лист, но не убрал его в карман.

— Ты действительно позволишь им обвинить меня?

— Я позволю им провести расследование.

— Какая разница, как ты это назовёшь, если итогом станет позор нашего дома?

— Твоего дома.

Дорен замер.

Эти два слова разделили нас яснее, чем запертая шкатулка.

— После свадьбы дом Валькрофт стал и твоим.

— А Ровены стали твоими?

— Я всегда уважал твоё имя.

— Тогда не проси меня поставить его под ложью.

Он провёл ладонью по волосам, отводя мокрые пряди со лба. Усталость на его лице усилилась.

— Что мне сказать Совету?

— Правду.

— Что я оставил пост ради брата?

— Что получил ложное сообщение и принял решение, за которое готов отвечать.

— Ты рассуждаешь так, словно тебе безразлично, что со мной произойдёт.

Мне не было безразлично. Именно поэтому я когда-то уничтожила себя.

Я подошла к шкафу и распахнула дверцы. Домашнее платье не подходило для заседания Совета, а я собиралась присутствовать там как глава Ровенов.

— Куда ты собираешься?

— С тобой.

— Зачем?

Я сняла с вешалки тёмно-синее платье с серебряной вышивкой на воротнике. Его подготовили к осеннему заседанию, которое в первой жизни я так и не посетила. Через несколько часов после моей подписи Совет временно отстранил меня от участия.

— Я хочу услышать решение собственными ушами.

— Женам обвиняемых не место на закрытом разбирательстве.

— Я иду не как твоя жена.

Дорен перевёл взгляд на платье, затем на серебряную застёжку Ровенов, лежавшую в отдельном ящике.

— Ты глава старшего дома, — произнёс он.

— Рада, что ты вспомнил.

Я потянулась к шнуровке домашнего платья и остановилась, заметив, что он не двигается.

— Мне нужно переодеться.

Раньше Дорен остался бы. Мы не стеснялись друг друга, а его присутствие в спальне казалось естественным. Сейчас одна мысль о том, что он увидит моё тело, вызвала болезненное напряжение.

Муж понял это по моему лицу.

— Я подожду за дверью.

Он сложил документ ещё раз. Прежде чем выйти, задержался возле стола.

— Я всё ещё надеюсь, что ты передумаешь.

— Не надейся.

Дверь закрылась.

Я простояла несколько мгновений, слушая его шаги в коридоре. Дорен не ушёл далеко. Он остановился возле окна напротив спальни, где дождь барабанил по цветному стеклу.

Я переоделась без помощи служанки. Пальцы справлялись со шнуровкой хуже обычного, и несколько раз мне приходилось начинать заново. После площади тело ещё помнило холод, хотя в спальне горел камин. Я умылась прохладной водой, собрала волосы и прикрепила к воротнику серебряную ветвь Ровенов.

Затем открыла нижний ящик стола.

Там лежала цепочка для родовой печати. Я достала её, вернулась к шкатулке и надела печать на шею. Серебро опустилось под ткань платья, к самой коже.

В первой жизни я отдала её мужу.

В этой она останется у меня.

Когда я вышла в коридор, Дорен повернулся сразу. Его взгляд прошёл от моих волос к знаку Ровенов на воротнике и задержался на месте, где под тканью скрывалась печать.

— Ты решила превратить разбирательство в спор между нашими домами?

— Спор начался, когда ты принёс мне ложный приказ.

— Я пытался защитить нас обоих.

— Сегодня Совет решит, насколько удачно.

Он хотел ответить, но снизу донёсся голос посланника, на-

помнившего о времени. Дорен предложил мне руку. Я прошла мимо и первой направилась к лестнице.

Вестибюль был ярко освещён. Слуги зажгли все настенные светильники, а на полу блестели следы воды, принесённой с улицы. Посланник ждал у открытых дверей. За ними виднелась карета Совета, запряжённая парой гнедых лошадей.

Наш управляющий подошёл ко мне с плащом Валькрофтов — чёрным, с серебряной каймой. Я отказалась и попросила принести синий дорожный плащ из крыла Ровенов.

Дорен наблюдал за этим молча.

Когда слуга закрепил ткань у моего горла знаком раскрытой ветви, муж отвернулся к дверям. Я не знала, что именно задело его сильнее: мой отказ от его цветов или понимание, что я заранее готовлюсь к отдельной жизни.

На крыльце дождь стал плотнее. Каменные ступени блестели в свете фонарей, вода стекала по резным пастям драконов, украшавшим водостоки.

Дорен раскрыл надо мной свой плащ, прикрывая от дождя.

— Я могу дойти сама, — сказала я.

— До кареты семь шагов. Не превращай каждый мой жест в сражение.

Он говорил с раздражением, но руку не убрал. Я позволила ему проводить меня, потому что спор на глазах у посланника ничего не изменил бы.

У кареты Дорен снова предложил ладонь. На этот раз я опёрлась на неё, поднимаясь внутрь. Его пальцы сомкнулись вокруг моих с осторожностью, непривычной для человека, который ещё час назад был уверен в моём согласии.

Он сел напротив.

Карета тронулась, колёса зашумели по залитой водой улице. За стеклом проплывали закрытые лавки, высокие фасады старших домов и редкие прохожие, прятавшиеся под навесами. Впереди ехали двое стражников Совета.

Дорен положил документ на колени.

— Ещё не поздно.

— Ты намерен спрашивать до самого дворца?

— Пока существует возможность избежать суда.

— Суд уже назначен.

— С твоей подписью он станет формальностью.

— Для тебя.

Он стиснул бумагу сильнее, смяв край.

— Хорошо. Предположим, Совет лишит меня должности.

Кто займёт место у врат?

— Твой заместитель.

— У него нет достаточной силы, чтобы удерживать защиту долго.

— Тогда Совет назначит другого дракона.

— Ты говоришь о деле, которого не знаешь.

— А ты просишь меня ответить за него, хотя считаешь, что я ничего не понимаю.

Дорен откинулся на спинку сиденья. Свет уличных фонарей проходил по его лицу через равные промежутки, выхватывая то глаза, то линию скулы.

— Раньше ты мне доверяла.

— Раньше я думала, что ты никогда не воспользуешься моим доверием против меня.

— Я этого не делаю.

— Ты принёс ложный документ и попросил поставить мою печать.

— Чтобы защитить мужа.

— Чтобы заменить обвиняемого.

Он выдохнул и посмотрел в окно. Карета повернула на широкую улицу, ведущую к дворцу. Отсюда уже виднелись башни Совета и освещённый циферблат больших часов.

— Если решение будет суровым, назад его уже не повернуть, — произнёс Дорен.

— Ты не знаешь этого.

— Я знаю Совет.

— А я хочу увидеть, что произойдёт, когда ты впервые позволишь закону рассмотреть твой поступок, не прячась за моим именем.

Он повернулся ко мне.

— Впервые?

Я поняла, что сказала больше, чем собиралась.

— Ты часто считаешь, что семья устранил последствия твоих решений.

— Я отвечал за каждое своё решение.

— Тогда сегодня у тебя появится возможность доказать это.

Карета остановилась у дворцовых ворот.

Посланник открыл дверь. Дождь ослаб, но воздух оставался влажным и холодным. Мы поднялись по ступеням под каменными арками, прошли через зал с девятью знамёнами и оказались перед дверями малого зала Совета.

Я знала это место.

В первой жизни меня не пустили внутрь. Дорен вернулся через два часа и сообщил, что Совет принял моё признание. Он обнял меня в этом же коридоре и поклялся, что временное отстранение продлится недолго.

Сейчас стражник открыл перед нами обе створки.

В зале горели высокие светильники. Девять кресел располагались полукругом перед длинным столом. За ними сидели представители старших домов, поднятые с постелей срочным созывом. Некоторые приехали в церемониальных мантиях, другие успели только набросить официальные плащи поверх повседневной одежды.

Председатель Совета находился в центре. Я узнала его сразу, хотя год спустя на площади лицо казалось старше и жёстче.

У дальней стены стояли трое мужчин в форме защитников и седой мастер, отвечавший за состояние каменных укреплений. На отдельном столе лежали обломки тёмного камня,

металлическая скоба и небольшой кожаный мешок.

Эдит и Леандр находились справа от входа.

Мать Дорена поднялась при нашем появлении. Её чёрное платье было застёгнуто до горла, волосы собраны без единой выбившейся пряди. Леандр выглядел так, словно его выдернули из постели: ворот рубашки сидел неровно, светлые волосы ещё хранили след от подушки.

Он был жив, цел и ничем не напоминал человека, ради спасения которого Дорен покинул пост.

— Эстелла? — Эдит перевела взгляд с меня на сына. — Зачем ты привёл её?

— Я пришла сама, — ответила я.

— Заседание закрыто.

Я расстегнула плащ, открывая знак Ровенов.

— Для супругов обвиняемых. Главы старших домов имеют право присутствовать.

Председатель поднял руку, не позволив Эдит продолжить.

— Леди Ровен занимает место своего дома.

У левого края полукруга пустовало кресло, украшенное серебряной ветвью. Я видела его на казни, вышитым ниже остальных знаков. Сейчас оно находилось на одном уровне с местами Валькрофтов и других домов.

Я прошла к нему.

Дорен проводил меня взглядом. Он ожидал, что я останусь возле него, как делала на всех прежних заседаниях. Вместо этого я села среди членов Совета.

Эдит вернулась на своё место напротив.

Дорен остался один перед длинным столом.

Председатель дождался, пока двери закроются.

— Лорд Валькрофт, сегодня во время вечерней смены вы покинули восточный пост без распоряжения Совета и без передачи полного управления заместителю. Через двадцать минут часть внешней стены обрушилась. Вы признаёте, что оставили ворота?

— Признаю.

— Назовите причину.

— Ко мне прибыл посланник со знаком моего брата. Он сообщил, что отряд Леандра атакован на южной дороге.

Председатель повернулся к младшему Валькрофту.

— Где вы находились в это время?

Леандр поднялся.

— На учебной площадке у южной башни. Я не покидал столицу.

— Вы отправляли посланника?

— Нет.

— Передавали кому-либо свой знак?

Леандр коснулся пустого места на поясе.

— Сегодня днём я обнаружил, что застёжка с гербом исчезла. Я решил, что потерял её во время тренировки.

— Вы сообщили об этом?

— Не успел.

Эдит чуть повернула голову к младшему сыну. В её взгляде

де появилась досада, но тревоги я не заметила. В первой жизни я приняла её сдержанность за силу. Теперь знала, как много она умела скрывать за безупречной осанкой.

Председатель кивнул начальнику дозора.

— Расскажите о посланнике.

Мужчина вышел вперёд.

— Он прибыл к восточному посту за несколько минут до смены караула. На нём был плащ внутренней стражи и знак лорда Леандра. Лицо закрывал дорожный капюшон. После разговора с лордом Валькрофтом он покинул площадку.

— Его задержали?

— Нет. Стражники пропустили человека со знаком дома.

— Вы можете его опознать?

— Если увижу лицо, возможно.

Председатель перевёл взгляд на Дорена.

— Вы проверили сведения перед отъездом?

— Я отправил двух людей к южной башне, но сообщение говорило о непосредственной угрозе. Я решил, что не могу ждать их возвращения.

— Вы оставили заместителю право управлять внутренней защитой?

— Да.

— Внешней?

— Основной контур подчиняется главе Валькрофтов.

В зале зашевелились. Один из представителей Совета наклонился к соседу, обменявшись с ним несколькими слова-

ми.

Я посмотрела на Дорена. Он держался прямо и отвечал без попытки скрыть собственный выбор. Год назад я не позволила ему дойти до этого момента. Моя подпись закрыла вопросы раньше, чем Совет успел рассмотреть обстоятельства.

Председатель обратился к седому мастеру:

— Что показал осмотр стены?

Тот подошёл к столу и взял металлическую скобу.

— Внешняя кладка сохранилась. Разрушилась внутренняя опора, удерживавшая верхнюю площадку. Её повредили заранее.

Он передал скобу ближайшему члену Совета. На металле виднелась ровная рассечённая полоса.

— Такое могло произойти из-за перегрузки защитного контура? — спросил председатель.

— Нет. Металл разъединили инструментом. Работа заняла бы не меньше часа, и выполнить её можно только из внутреннего прохода.

— Присутствие лорда Валькрофта у врат предотвратило бы обрушение?

Мастер задумался.

— Если бы он лично осматривал внутреннюю опору именно в этот момент, возможно. Во время обычного дежурства никто не проверяет каждую скобу. Повреждение скрыли под каменной накладкой.

Дорен шагнул ближе к столу.

— Значит, меня выманили перед заранее подготовленным обрушением.

— Обстоятельства на это указывают, — подтвердил мастер.

В зале стало шумнее.

Я смотрела на рассечённый металл и ощущала, как внутри растёт холодная ясность.

Дорен был прав: его намеренно удалили от врат. Он принял рискованное решение, однако его отсутствие не стало причиной разрушения стены. Совет мог установить это сам. Достаточно было дождаться осмотра, выслушать дозорных и сопоставить время.

Моя подпись не спасла его.

Она остановила расследование.

Ложное признание позволило настоящему виновнику остаться в тени, а семье Валькрофт — получить контроль над моим домом.

Я отдала всё ради решения проблемы, которая разрешилась бы без меня.

Председатель задал мастеру ещё несколько вопросов. Затем заслушал заместителя Дорена. Тот подтвердил, что получил управление внутренней частью врат и не заметил нарушений до самого обрушения. Пострадавших оказалось меньше, чем я помнила, но несколько защитников всё же получили ранения, а двое рабочих погибли под камнями.

Их смерть по-прежнему лежала на человеке, повредившем опору.

Только теперь этим человеком не становилась я.

Один из членов Совета спросил:

— Почему лорд Валькрофт не дождался возвращения отпавленных им людей?

Дорен ответил без оправданий:

— Я считал, что жизнь брата находится под непосредственной угрозой.

— И поставили родственные чувства выше порядка службы.

— Да.

Эдит поднялась.

— Мой сын действовал в условиях намеренного обмана. Требовать от него спокойного ожидания, когда речь шла о жизни члена старшего дома, несправедливо.

— Совет оценивает поступки, а не материнские чувства, — произнёс председатель.

Её губы сжались.

Дорен бросил на мать короткий взгляд.

— Мне не требуется защита, — сказал он. — Я покинул пост по собственной воле и готов принять взыскание за нарушение порядка передачи командования. Однако обвинение в разрушении стены отвергаю.

Я впервые увидела его таким перед Советом.

Без моей печати. Без моего имени. Без женщины, которую

можно поставить между собой и последствиями.

Он выглядел сильнее, чем в тот вечер, когда просил меня солгать.

Председатель попросил членов Совета высказаться. Обсуждение заняло меньше часа. Я слушала, как представители домов спорят о мере ответственности, и постепенно понимала решение ещё до голосования.

Дорен нарушил порядок, но действовал на основании поддельного сообщения. Обрушение подготовили заранее, поэтому его отсутствие не являлось причиной случившегося. Совет временно ограничивал его право покидать столицу и поручал провести внутреннюю проверку, однако сохранял за ним должность.

Никакого заключения.

Никакого лишения титула.

Никакого падения дома Валькрофт.

Председатель поднялся.

— Совет признаёт, что лорд Дорен Валькрофт стал целью намеренного обмана. Ответственность за повреждение восточной стены с него снимается. За нарушение порядка передачи управления вы получите официальный выговор и в течение месяца будете отчитываться перед назначенным наблюдателем.

Дорен склонил голову.

— Я принимаю решение.

— Расследование обрушения продолжается. До его завер-

шения знак лорда Леандра и записи внутренней стражи остаются у Совета.

Леандр побледнел.

Эдит сохранила прежнее выражение лица, но её пальцы легли на край стола и задержались там. Она не ожидала, что знак младшего сына заберут.

Заседание завершилось.

Члены Совета поднялись со своих мест. Слуги открыли двери, впуская в зал прохладный воздух из коридора. Люди заговорили громче, обсуждая поддельного посланника и повреждённую опору.

Я оставалась в кресле Ровенов.

Перед глазами стояло другое заседание, которого в этой жизни уже не будет. Дорен возвращался домой, приносил мне обещание скорого оправдания и забирал печать на хранение. Потом месяцы ожидания стирали из памяти сам вечер, когда всё могло закончиться иначе.

Мне захотелось рассмеяться, но вместо этого я прижала ладонь к груди.

Под тканью лежала родовая печать.

Моя.

Совет не отнял её.

Дорен подошёл, когда зал начал пустеть.

— Ты была права, — произнёс он.

Я подняла голову.

На его лице смешались облегчение и усталость. Напряже-

ние ушло из плеч, а серебряный ободок вокруг глаз исчез. Он выглядел человеком, который только что избежал пропасти и ещё не осознал, насколько близко подошёл к краю.

— Расследование установило правду, — продолжил он.
— Если бы ты подписала документ, мы бы только запутали дело.

— Не запутали. Его бы закрыли.

— Возможно.

— Именно это произошло бы.

Дорен нахмурился.

— Ты говоришь так, словно знала заранее.

— Я знала, что ложь не поможет найти виновного.

— Эстелла...

К нам приблизилась Эдит.

— Нам следует уехать, — сказала она сыну. — До утра нужно подготовить людей для внутренней проверки. Совет забрал знак Леандра, и это может вызвать разговоры.

— Пусть вызывает, — ответил Дорен. — Если его использовали, нужно выяснить кем.

— Подобные вопросы обсуждают дома.

Она посмотрела на меня.

— Твоё присутствие здесь было лишним. Семейные разногласия не выносят перед Советом.

— Я не обсуждала семейные разногласия.

— Ты отказалась поддержать мужа в момент, когда ему угрожало обвинение.

— И благодаря этому Совет нашёл настоящие обстоятельства.

— Благодаря удаче.

— Благодаря проверке, которую ваша семья хотела заметить моей подписью.

В глазах Эдит появился холодный блеск.

— В доме Валькрофт каждый понимает цену общей безопасности. Иногда одному приходится уступить ради остальных.

— Сегодня уступил Дорен. Он ответил на вопросы сам, и ваш дом сохранился.

— Тебе легко говорить после благоприятного решения.

— Мне легко говорить, потому что моя печать осталась у меня.

Леандр подошёл к матери и коснулся её локтя.

— Не здесь.

Он впервые посмотрел прямо на меня. В его лице жила тревога, которую он старался скрыть за виноватой улыбкой.

— Эстелла, я рад, что всё закончилось. Дорен не должен был оказаться под судом из-за моего знака.

— Как ты его потерял?

Улыбка исчезла.

— Я уже рассказал.

— Ты обнаружил пропажу днём, но никому не сообщил.

— Не придавал значения.

— Знак старшего дома открывает ворота и подтверждает

личность посланника. Ты часто не придаёшь значения его исчезновению?

Эдит шагнула между нами.

— Совет займётся этим вопросом.

— Именно этого я и хочу.

Дорен положил руку матери на плечо и отвёл её в сторону.

— Отправляйтесь домой. Я приеду позже.

— Нам нужно поговорить.

— Утром.

Эдит посмотрела на сына дольше, чем требовал простой ответ. Потом развернулась и направилась к выходу. Леандр последовал за ней, но возле двери оглянулся.

В первой жизни он тоже улыбался мне в первые недели после моей жертвы. Приносил цветы, называл спасительницей рода и обещал, что никогда не забудет, чем обязан.

На площади он не поднял глаз.

Я дождалась, пока двери закроются.

— Ты подозреваешь Леандра? — спросил Дорен.

— Я задаю вопросы.

— Его знаком воспользовались, чтобы выманить меня.

— Для этого кому-то пришлось его получить.

— Леандр беспечен. Он мог оставить застёжку где угодно.

— Твоя первая мысль снова защищает его.

Дорен напрягся.

— Моя первая мысль — найти человека, который разрушил стену.

— Тогда не исключай никого до расследования.

— Даже моего брата?

— Особенно человека, чей знак оказался у посланника.

Он изучал моё лицо, пытаясь понять, откуда взялась эта непримиримость.

— Что произошло с тобой сегодня ночью?

Я поднялась с кресла.

— Совет завершил заседание. Я хочу вернуться домой.

— Мы продолжим разговор.

— Не сегодня.

Дорен пошёл следом, когда я направилась к выходу. В коридоре уже погасили часть светильников. За высокими окнами дождь превратился в редкую морось, а над крышами проступала светлая полоса приближающегося утра.

У лестницы нас ожидал посланник.

— Карета готова, лорд Валькрофт.

— Благодарю.

Дорен пропустил меня вперёд. Мы спустились в нижний зал, где слуги подали плащи. Он сам взял мой синий плащ и раскрыл его за моей спиной.

Я могла отказаться, но усталость сделала спор бессмысленным. Дорен накинул ткань мне на плечи и застегнул серебряную ветвь. Его пальцы задели мою шею.

По коже прошла знакомая дрожь.

Я ненавидела собственное тело за эту память. Оно узнавало мужа, его тепло, запах дождя и дыма, силу рук. Для него

между этим утром и нашим последним счастливым вечером прошло несколько часов. Для меня — год унижения, тюремная камера и казнь.

Дорен задержал пальцы на застёжке.

— Ты дрожишь.

— Я устала.

— В карете станет теплее.

Он говорил с заботой, которую я раньше принимала за доказательство любви. Дорен умел укрыть меня плащом и не заметить, как отдаёт мою жизнь семье.

Мы вышли на крыльцо.

У дворцовых ворот уже собирались первые горожане. Люди узнали форму Дорена и провожали его взглядами, однако никто не знал решения Совета. К полудню столица услышит, что главу Валькрофтов оправдали без чужой жертвы.

В карете я села у окна.

Дорен расположился напротив, но после нескольких поворотов пересел рядом, чтобы освободить место от воды, просочившейся через неплотно закрытую раму. Наши плечи оказались близко. Я чувствовала тепло его тела и старалась не отодвигаться демонстративно.

— Я должен поблагодарить тебя, — сказал он.

— За отказ?

— За то, что заставила меня предстать перед Советом без ложного распоряжения.

— Ты мог сделать это сам.

— Мог.

Признание прозвучало неожиданно.

Я повернула голову. Дорен смотрел на свои руки.

— Когда посланник появился у врат, я думал только о Леандре. После обрушения понял, что Совет потребует виновного. Документ показался самым быстрым способом сохранить время для расследования.

— Быстрым для тебя.

— Да.

Он поднял глаза.

— Я не подумал, что признание может лишить тебя места в Совете.

— Подумал. Поэтому обещал всё вернуть.

— Я был уверен, что сумею.

— Уверенность не вернула бы мне имя.

Дорен провёл пальцем по краю перчатки.

— Эстелла, я прошу прощения.

В первой жизни я ждала этих слов год. Сейчас они не принесли облегчения.

— За что именно?

— За документ. За то, что счёл твоё согласие обязательным.

— Ты всё ещё не понимаешь.

— Тогда помоги понять.

Карета качнулась на повороте. Дорен положил ладонь на сиденье за моей спиной, удерживая меня от удара о стенку,

но не коснулся тела.

— Сегодня ты потерял несколько часов, — сказала я. — Испытал страх, что лишишься должности. Получил выговор. Если бы я подписала, то отдала бы имя, место в Совете и право распоряжаться домом Ровенов. Ты считал такой обмен справедливым, потому что обещал когда-нибудь всё исправить.

— Я бы исправил.

— Ты не можешь этого знать.

— Ты тоже не можешь знать обратного.

Я посмотрела в окно. В лужах отражались фонари, а над крышами светлело небо.

Он был прав. Для него это будущее ещё не произошло.

Для меня оно закончилось ударом колокола.

— Иногда обещание кажется лёгким только тому, кто не платит за него, — ответила я.

Дорен долго молчал.

Когда карета въехала во двор нашего дома, слуги уже открывали ворота. В окнах первого этажа горел свет. Вероятно, Эдит успела отправить сюда человека с известием о решении Совета.

Дорен вышел первым и подал мне руку. Я приняла её, чтобы спуститься с высокой ступеньки. Он не отпустил мои пальцы сразу.

— Совет оправдал меня, — произнёс он. — Но между нами всё стало хуже.

— Совет решил только твой вопрос.

— А твой?

— Мой начался год назад.

Слова вырвались прежде, чем я успела остановиться.

Дорен вскинул голову.

— Год назад?

Я высвободила руку.

— Я оговорилась.

— Нет. Сначала ты сказала, что я уже подписал твой приговор. Теперь говоришь о прошлом годе. Что это значит?

Слуги находились достаточно далеко, но я всё равно не собиралась отвечать во дворе.

— Я хочу переодеться.

— Эстелла.

— Мы оба не спали всю ночь. Поговорим позже.

Я вошла в дом.

Вестибюль встретил теплом и запахом горящих поленьев. Управляющий сообщил, что для Дорена подготовили кабинет и что из дома Эдит уже прибыл посланник. Муж коротко распорядился никого не принимать до полудня.

Я направилась к лестнице.

Он последовал за мной.

Наши шаги отражались от каменных стен. На втором этаже я повернула к спальне, где всё ещё лежал документ, способный уничтожить мою жизнь. Хотелось убрать его с глаз, запереть печать и остаться одной хотя бы на несколько ми-

нут.

Дорен вошёл следом, прежде чем я успела закрыть дверь.

— Я просила дать мне время.

— Ты отказалась от моей помощи, от имени Валькрофтов и от собственного места рядом со мной. Затем говорила так, словно уже пережила последствия решений, которых я не принимал. Я не уйду, пока не пойму, что происходит.

На столе оставался смятый документ. Дорен подошёл к нему, взял лист и несколько секунд читал строки, которые ещё недавно считал спасением.

Потом разорвал бумагу пополам.

Я остановилась возле шкапулки.

Он сложил половинки вместе и разорвал снова. Обрывки упали в пустую чашу для бумаг.

— Этого больше нет, — сказал Дорен. — Я не стану пользоваться твоим именем без разрешения.

— Одного уничтоженного листа недостаточно.

— Знаю.

Он произнёс это без раздражения. Усталость лишила его привычной уверенности, оставив человека, который впервые увидел трещину в браке и не понимал, насколько давно она появилась.

— Я не знаю, что причинил тебе, — продолжил он. — Сегодня, вчера или в том времени, о котором ты говоришь. Но я вижу, что ты смотришь на меня и ждёшь удара.

У меня перехватило дыхание.

Дорен подошёл ближе.

— Я никогда не хотел, чтобы рядом со мной ты чувствовала страх.

— Намерения не меняют последствий.

— Каких последствий?

Он остановился передо мной. Я видела след на его щеке, усталые глаза, влажные волосы. Этот Дорен ещё не стоял у эшафота. Он разорвал документ, признал ошибку и пытался понять меня.

Часть моего сердца потянулась к нему.

Я вспомнила, как в первые годы брака он возвращался после ночных дежурств и засыпал, положив голову мне на колени. Как закрывал меня крылом во время грозы над горами. Как однажды отменил заседание, потому что я попросила провести день вдвоём.

Любовь сохранила каждую подробность.

Память о смерти сохранила остальные.

— Эстелла, — позвал он.

Я подняла взгляд.

В его лице вспыхнуло облегчение, словно он увидел знакомую женщину, скрытую за моим холодом. Дорен раскрыл руки и притянул меня к себе.

В первой жизни после оправдания он обнимал меня так же.

Его ладонь легла мне на спину, другая коснулась затылка. Щекой я упёрлась в мокрый ворот формы. Сердце Дорена

билось сильно и ровно, напоминая о ночах, когда этот звук означал для меня дом.

На одно мгновение я позволила себе остаться.

Затем над ухом снова прогремел колокол.

Я увидела дворцовые ступени, чёрно-серебряное платье Эдит и лицо Леандра. Услышала просьбу дать ему ещё немного времени. Почувствовала руку стражника на локте.

Дорен прижал меня крепче.

Я упёрлась ладонями ему в грудь и отстранилась.

Он выпустил меня сразу, но не отошёл.

— Что случилось?

Я подняла голову и встретила его растерянный взгляд.

— Не прикасайся ко мне. Ты уже подписал мой приговор.

Глава 3. Жена, которой больше нет

— Что ты сказала?

Дорен не приблизился снова. Он стоял передо мной, опустив руки, и ждал объяснения. За окнами светлело утро, дождь прекратился, а в комнате всё ещё горели свечи, зажжённые до нашего отъезда в Совет. Одна из них догорела до медного подсвечника, и по столу растеклась полоска застывающего воска.

Я видела, что муж пытается понять, о каком приговоре идёт речь. Несколько часов назад Совет оправдал его. Разорванный документ лежал в чаше для бумаг. Никакого суда надо мной в этой жизни ещё не было.

Для Дорена мои слова не имели смысла.

Для меня они были единственной правдой.

— Ты услышал, — ответила я.

— Я услышал, что уже подписал твой приговор. Какой приговор, Эстел

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.